

власть, а Аларих тем временем вторгся через Фермопильский проход, укрепления которого Геронций защитил так же слабо, как Ахайю — проконсул Антиох, сын Мусония.

В Элладе и Пелопоннесе тогда обитал в общем, большей частью, тот же самый греческий народ, безо всякой посторонней примеси, каким его некогда застали и Павсаний, и Плутарх. Язык, религия, нравы и законы предков продолжали царить в городах и селах, и хотя в обществе христианство достигло уже преобладания и осужденное государством служение богам постепенно исчезало, тем не менее Древняя Греция носила еще и на своих умах, и на своих памятниках печать язычества.

В этот-то чудный, хотя и выветрелый эллинский мир вторгся теперь Аларих с разбойничьими ордами. Беотия и Аттика подверглись грабежу и опустошению, а жители их были либо избиты, либо обращены в рабство. Противостоять завоевателю могли единственно отдельные города, которые, впрочем, защищены были не столько патриотизмом сограждан, сколько крепостью своих стен. Разочаровавшись в возможности взять штурмом сильные укрепления Фив и Кадмеи или, как говорит *Зосима*, сгорая от нетерпения завоевать Афины, отряды Алариха направились дальше по направлению к Элевсису. Этот знаменитый по своим таинствам город являлся оплотом в последней борьбе философской школы против учения апостола Павла, так как служение богиням Деметре и Коре являлось не только ядром самых идеальных представлений античной религии, но вместе с тем теснейшим образом связывалось с местными, городскими верованиями Афин. Но элевсинские таинства разделили общую участь с отправлением обрядов и во всех прочих греческих храмах. Восстановленный заново императором *Юлианом* древний культ элевсинских таинств был по его смерти уничтожен *Иовианом*, а затем по просьбе проконсула Ахайи *Претекстата*, пользовавшегося большим влиянием, в царствование *Валентиниана* оказался опять терпимым, в конце же концов позднейшими императорскими законами был совершенно упразднен.